

— В то время Гоцзыцзянь ещё не был таким, как сейчас, барьер между благородными кланами и простолюдинами ещё не был разрушен. Я поступил в Гоцзыцзянь открыто, по результатам экзаменов, но всё равно многие за моей спиной болтали, что меня втиснули благодаря связям учителя. Один-два раза — куда ни шло, но позже эти люди и вовсе распустили языки перед самим учителем.

— Другие могут оскорблять меня, но учителя — никогда. В тот день, выйдя от учителя, я нашёл этих людей и подрался с ними. — Говоря это, Пэй Чоу рассмеялся. — Сейчас думаю, что это была даже не драка, а просто меня избили!

Ши Хучэнь с яростью произнёс:

— Будь я там, я бы их всех уложил!

Пэй Чоу громко рассмеялся и продолжил:

— После того случая эти отпрыски знатных семейств то и дело искали мне неприятностей. Один год, когда Его Величество посетил Гоцзыцзянь, они подстроили так, чтобы я опозорился перед императором. К счастью, первый министр вступился за меня, и я смог сохранить жизнь.

— В сильную метель я падал в озеро, во время состязаний по стрельбе из лука меня использовали как живую мишень, а однажды они силой тащили меня, пробравшись в тюрьму Министерства наказаний. Меня так напугали орудия пыток, что я рванулся бежать, но они лишь громко смеялись, взяли калёное железо и приложили мне к спине. До сих пор на спине остался шрам, который не заживёт и останется со мной на всю жизнь.

Это уже нельзя было назвать просто злобой, это было... безумие.

Ши Хучэнь смотрел на улыбающееся лицо Пэй Чоу и чувствовал, как у него в горле перехватывает.

— Господин Ши, я говорю это не для того, чтобы вы меня пожалели. — Пэй Чоу выпрямился, глядя ему в глаза. — Сегодняшний Чжоу Гэ — это вчерашний я. Спросите себя по совести: окажись вы на месте Чжоу Гэ, смогли бы вы поступить лучше него?

— Это хороший ребёнок, почитающий учителей и следующие пути. Если бы неприятности сами не искали его, зачем бы он причинял страдания ректору Се?

— Я... он... они не...

— Ты не видел, как они издеваются над Чжоу Гэ, потому что под твоим и Мэй Инсяо присмотром никто не осмеливается творить беззакония. А когда ты не видишь?

Ши Хучэнь замолчал.

— Теперь вернёмся к первому министру.

Увидев, что Пэй Чоу отбросил небрежность и принял серьёзный вид, Ши Хучэнь тоже выпрямился.

— В последнее время я часто бываю в Палате Дали. Главного судью Палаты Дали Ци Юя ты знаешь? Сегодня в Зале дискуссий я слышал, что ты говорил. Эти доказательства я тоже видел, их действительно недостаточно, чтобы кого-либо осудить. На основании лишь этого нельзя

опрометчиво решать вопрос жизни и смерти. К тому же, Ци Юй — человек, не боящийся сильных мира сего, он берёт людей, только глядя на доказательства, и никогда не делает того, что не имеет оснований.

Не дав Ши Хучэню возразить, Пэй Чоу продолжил:

— Я знаю, что вы негодуете из-за трагической смерти первого министра Пэя и хотите сделать для него всё, что в ваших силах. Подумайте внимательно: чего же всю жизнь усердно добивался первый министр Пэй? Он стремился к возрождению Даюань, к миру и спокойствию в стране, а не к бесконечным распрям, ограниченным одной партией или фракцией. Первый министр Пэй уже ушёл в мир иной, а вы, ученики, — будущее Даюань. Разве не ваша задача — унаследовать его завет, управлять миром с литературным сердцем и помогать Священному императору укреплять государственный порядок?

— Более того, среди вас тоже есть немало учеников из бедных семей? Ты и те отпрыски знатных семейств, конечно, не боитесь, но если дело действительно дойдёт до императора, не найдётся другого первого министра Пэя, чтобы вступить за них. Разве жизни этих простолюдинов — не жизни?

— Я... я не хотел посылать их на смерть, я не... — Ши Хучэнь, выслушав его, опустил голову, схватился за неё и простонал.

Пэй Чоу произнёс эту проповедь без тени стыда или волнения. Ши Хучэнь, погружённый в скорбь, тоже не задумался о нестыковках в его словах.

— Я сказал всё, что хотел. Подумайте сами. Хорошо переписывайте книги, я откланиваюсь.

После того дня Пэй Чоу изредка узнавал от Чжан Хэншуй о последних событиях в Гоцзыцзяне и каждый раз одобрительно кивал. Ши и Мэй больше не были как кошка с собакой и больше не поднимали тему петиции у дворцовых ворот.

Тот парень по фамилии Чжоу, кажется, тоже уже не был таким робким. Однажды Чжан Хэншуй видел его вместе с Ши Хучэнем: похоже, Ши Хучэнь проучил тех, кто его избивал, а потом, дёргая Чжоу Гэ за ухо, с раздражением говорил, чтобы тот не трусил и в следующий раз действовал напрямую.

Чжан Хэншуй испытал большое облегчение и с любопытством спросил, что же именно Пэй Чоу сказал тогда Ши Хучэню. Пэй Чоу лишь улыбался, не отвечая.

Снег в Ханьцзине шёл всё сильнее, люди съёживались от холода. Пэй Чоу по привычке надел несколько слоёв чулок, а щиколотки дополнительно утеплить специальной овечьей шерстью.

В прошлой жизни он повредил обе щиколотки, каждую холодную зиму они пронзительно болели. После перерождения боли не было, но привычка осталась.

На пятнадцатый день десятого месяца как раз был праздник Сяюань. Праздник Сяюань — это день, когда Владыка рек Янгу снимает бедствия. В народе говорят, что в этот день Владыка рек, проведя инспекцию, докладывает Небесному дворцу и избавляет людей от несчастий.

В дни вокруг праздника Сяюань в даосских храмах проводятся несколько дней церемоний, в народе же поминают умерших и молятся Владыке рек Сяюань об избавлении от трудностей. В Даюань со времён предыдущей династии существовал запрет на забои скота в этот день, а также отсрочка исполнения смертных приговоров.

К тому же в последние годы император Цзинфэн всё больше погружался в поиски бессмертия и даосских практик. В нынешний праздник Сяюань он широко пригласил настоятелей храмов со всех земель, а настоятеля храма Хуанцзи с востока города даже пригласил во дворец для пышного празднования. Министерство церемоний, ответственное за ритуалы и организацию, снова засуетилось. По долгу службы у Пэй Чоу были дела, требовавшие согласования с Министерством финансов.

В последнее время ему, кажется, не везло: едва переступив порог Министерства финансов, он столкнулся с Коу Янем.

В душе Пэй Чоу простонал, но на лице не выдал и тени, совершил поклон и сказал:

— Приветствую ваше превосходительство Коу.

Коу Янь какое-то время пристально смотрел на него, затем спросил:

— Почему в тот день господин Пэй назвал меня по второму имени? Мы разве встречались раньше?

У Пэй Чоу выступил холодный пот на затылке.

Со всеми остальными он мог как-то выкрутиться, но только этот Коу Чжунвэнь, его закадычный друг и подчинённый из прошлой жизни, слишком хорошо знал его манеры и привычки. Малейшая неосторожность — и он себя выдаст. Поэтому он всегда выбирал для визитов в Министерство финансов время, когда Коу Яня не было.

В тот день он слишком возгордился и потерял бдительность. Освобождение было близко, он обрадовался и слегка расслабился, мельком увидел Коу Яня и на мгновение подумал, будто всё ещё в прошлом.

Пэй Чоу прикусил кончик языка, заставив себя успокоиться, затем сделал крайне удивлённое лицо и посмотрел на Коу Яня:

— Ваше превосходительство Коу, возможно, ослышались? В тот день этот подчинённый звал Ван Чжуня. Просто в тот день ваше превосходительство было не в служебной одежде, а у этого подчинённого плохое зрение, и я принял вас за чжуши Ван Чжуня из Министерства церемоний. Тогда я ушёл в спешке, всё думал найти возможность объясниться с вашим превосходительством.

Выражение лица Коу Яня не выдавало ни радости, ни гнева. Он сказал:

— Неужели?

— Виновата моя недальновидность, побеспокоил ваше превосходительство, прошу не принимать близко к сердцу.

Коу Янь скользнул взглядом по сводкам в его руках и безразличным тоном произнёс:

— Ты ищешь Чжао Лина? Проходи, только дело не задерживай.

— Подчинённый откланивается.

Пэй Чоу удалился счастливый.

Но Коу Янь не ушёл.

Он пристально смотрел вслед Пэй Чоу, пока тот не скрылся из виду, затем подобрал полы одежды и, словно ветер, засеменял следом.

И точно, в том месте, которое он не мог видеть с предыдущей позиции, Коу Янь уловил мелькнувшую на мгновение улыбку на губах Пэй Чоу.

Эта улыбка была до боли знакомой.

Коу Янь прищурился и стиснул зубы.

Ослышался?

Он с детства тренировал боевые искусства, пять чувств у него острее, чем у обычных людей, а слух и вовсе прославленный.

Пэй Сяошань, говорите? Хорошо, очень хорошо.

* * *

Праздник Сяюань, большой пир во дворце. Пэй Чоу сидел на последнем месте, вместе со старшими сановниками поднял тост за императора Цзинфэна, произнёс благопожелания о благоприятной погоде и обильных урожаях в следующем году.

Давно не появлявшийся Цинь Янь тоже оказался на пиру, сидя справа от императора Цзинфэна.

Выражение его лица было спокойным, он пил вино самостоятельно, не общаясь с окружающими. Чиновники, вспоминая распространившиеся в последнее время слухи, не могли понять его намерений, переглядывались и пока не предпринимали действий.

После нескольких кругов вина интерес императора Цзинфэна достиг апогея, он увлёк настоятеля храма Хуанци и прямо за пиршественным столом начал рассуждать о пути к бессмертию. Чиновники, большие и малые, не могли вставить слово и благоразумно занялись слушанием музыки, питьём вина и светскими беседами.

Пэй Чоу давно не пил, после двух чашек вина почувствовал жар на лице, под благовидным предлогом попросил у Чжан Хэншюя отлучиться и вышел из банкетного зала.

Коу Янь с самого начала пира наблюдал за ним и, увидев, как Пэй Чоу поднялся и направился к двери зала, слегка нахмурился.

Какой-то младший чиновник подошёл с бокалом:

— Министр Коу, разрешите поднять тост за вас.

Коу Янь отвёл взгляд и улыбнулся:

— Прошу.

Праздничный пир по случаю Сяюань был устроен в зале Юаньхэ, совсем рядом с Императорским садом.

Праздник Сяюань — традиционный китайский праздник, приходится на 15-й день десятого месяца по лунному календарю, также называется Сяюаньжи, Сяюань. Является одним из народных традиционных праздников Китая.

<http://bllate.org/book/15464/1368176>